

Владимир ВОРОПАНОВ: Я УМЕРЕННЫЙ РАБОТОГОЛИК

Из старых книг, словарей в памяти осталась формула-характеристика "крупный земский деятель", советское время поменяло эпитет на "общественный", новое - девальвировало само существительное. Стало как-то неловко замечать того, кто много и плодотворно трудится рядом. И все же деятелей в самом высоком смысле этого понятия у нас много. Директора областной картинной галереи Владимира Воропанова назовут при случае в числе первых. Он и его коллеги сделали нашу галерею одной из лучших в России. Она стала настоящим культурным центром, определяющим духовную атмосферу Вологды и области. В ней и сейчас, вопреки всем напастям времени перемен, идет огромная творческая работа.

Я САМ
"Счастье - работать по специальности в музее"

- Владимир Валентинович, в Вологде всегда говорили: Воропанов, булочная Воропанова...

- ...моего деда. Воропановым я стал в Ленинграде, когда на почте никак не понимали мою фамилию.

- Начнем наш непривычный разговор с цифр.

- Пожалуйста. Мне 42 года. 1 августа 1976 года, 20 лет назад, я пришел в картинную галерею после окончания кафедры истории искусств исторического факультета Ленинградского университета, тогда имени А.Жданова, вступил на нижнюю ступень, стал экскурсоводом с окладом 70 рублей. И тогда, и теперь воспринимал это как большое, настоящее счастье - работать по специальности в музее.

- Есть и еще одна памятная нам дата...

- Да, 25 сентября 1976 года в "Красном Севере" вышла моя первая статья "Традиции и творчество", посвященная выставке самодельных художников.

- Название почти символическое, вашу жизнь, как формула, вбирающее.

- За 20 лет в "КС" было опубликовано 120 разного рода материалов: статей, заметок, портретов, интервью, обзоров, рецензий.

- Опыт впечатляющий и, увы, нетипичный, коллеги-искусствоведы не любят писать для газеты.

- А для меня работа в газете из "обязаловки" и не самого интересного занятия превратилась в настоящий творческий процесс, пишу всегда с радостью.

- У нас не принято говорить о карьере, но ваша складывалась на редкость гладко.

- Начну с того, что блата никогда не было в моей жизни. Никто не вел, не проталкивал, не представлял. Все делал сам, поехал учиться, жил в общежитии, служил два года в армии...

- Ваш дедушка был одним из организаторов пожарного дела в Вологде и одновременно держал пекарню и булочную. Спасал людей от огня и кормил их от огня. Искусствование в качестве профессии - не типичный и не прагматичный выбор.

- На него повлияли две семейные линии. Со стороны отца - связь с традициями разночинной интеллигенции, русского учителя: дядя отца - известный профессор Молочного института Ильинский, погибший в годы репрессий, тетя, Татьяна Александровна, всю жизнь преподавала в педагогическом институте, где сейчас идет по ее стопам моя сестра, ее дочь. Отец собирал библиотеку; подшивал в альбом репродукции из "Огонька"; первый раз привел меня на выставку в картинную галерею.

- По материнской линии, идущей от крестьянской хуторской жизни, - деловое и прагматическое начало, что становится все более актуальным и помогает решать сегодняшние директорские проблемы.

- А вообще в мою жизнь никто никогда не вмешивался и не совещался. Все поступки и раньше, и сейчас делаю сам.

- Как говорят в таких случаях в Америке - "сэлф-мэйд-мэн" (сам себя сделавший человек). В чем отличие самостроителя Воропанова от любого, так же организованного американца?

- Отличие в ситуации. Я себя и мир вижу как единый: русские, американцы; люди, что жили 100, 200 лет назад - единый нераздельный поток человечества. По горизонту с удивлением обнаружил, что в первой жизни я был художником во Флоренции XV века, во второй раз я жил в Париже в конце XIX и был фокусником или психологом. Когда я читаю студентам лекции о Флоренции, они спрашивают: вы там были, раз так хорошо рассказываете?

- Кстати, вы там, во Флоренции и Париже, уже были?

- Во Флоренции - нет, а когда приехал в Париж, было ощущение, почему я так долго здесь не был?

- Сузим вашу географию пока до Америки. Поехали туда, чтобы убедиться, что и по их меркам - профессионал?

- Да.

- Когда определила вас этим неуклюжим "сэлф-мэйд-мэн", спрашивала о другом. Люди нынче растеряны, бойкая реклама учит жить, брать, есть - на чужой лад не получается. Самодостаточным человеком, справляющимся с обстоятельствами, становятся или

рождаются?

- Родиться или стать? Стать! Мне всегда приходилось как бы преодолевать самого себя, ставить перед собой определенные требования. В школе и в первые годы в университете был крайне замкнут, молчалив, закомплексован, не мог найти контакта с людьми, общение было проблемой. Потом трудно было спуститься с высот художественных размышлений к прозе жизни, был сложный комплекс самонегания, типичный для нашей среды. Приходилось преодолевать чисто российскую расхлябанность, неясность в мышлении и в делах, что приводило многих к необязательности поступков. Американская жизнь заставила все делать быстро, по возможности, качественно, не откладывая на завтра то, что можно сделать сегодня.

АМЕРИКА

"Чтобы выжить там - надо быть каменным"

- Спектр нашего отношения к Америке широк - от пафоса, что она когда-то подарила, до земли обетованной, предмета массовых мечтаний. Смогли бы остаться в том "раю" навсегда?

- После пяти лет работы там могу сказать однозначно: нет.

- Что так?

- Тканевая несовместимость. Мне там не хватает души.

- В чем, в ком?

- В людях, в поступках. Там достаточно холодно, и в общении люди внешне все одинаковы. Если случалось видеть знакомого американца грустным, удивлялся и радовался. Мне очень трудно быть такой организованной машиной, как они. Все сложные, тревожные, внутренние переживания там надо спрятать, убрать. Наша душевная открытость воспринимается иногда как нарушение общественного порядка. Этого просто бояться, это кажется выражением хаоса. Легче быть частью отработанного чистенького механизма, ведь рефлексирующий человек всегда вне общего строя. У нас больше неординарных личностей, хорошо бы к этому добавить их организованность и профессионализм. Но рай на земле, видимо, невозможен: везде свои проблемы, совместить лучшее из разных культур никому никогда не удастся.

- А улыбчивость вы бы у них переняли?

- Улыбчивость улыбчивости - рознь. Как проявление нормальной цивилизованности и культуры отношений - да. За их дежурной улыбкой может стоять холодное и даже негативное отношение к тебе. Я за улыбку как проявление душевной щедрости, искренней привязанности, которой веришь.

- А не хотелось бы, чтобы вам здесь платили, как платят человеку вашего положения там?

- Я по характеру бесребреник, самодостаточно живущий в своем мире, лишь бы в душу никто не лез и не мешал заниматься делом.

- Хорошо, а как быть искусствоведам, если самый скромный альбом по искусству стоит не менее 50 тысяч рублей?

- Не переживать. Я знаю, что в России в ближайшее время ничего не изменится. Многие в нашей среде тешат себя надеждами, что государство обратит внимание и т.д. Этого не будет. Одна надежда - в своей собственной работе. Заработать на себя и на творческие программы галереи. И я не стесняюсь работать: 10 лет читаю курс лекций в ВГПИ, готовлю спецкурсы, циклы лекций. А для галереи создаю благотворительные фонды.

- И за все платят мизер...

- Других возможностей в России нет. Россия и Америка похожи размерами, а чем отличаются? Что вызвало наибольшее отторжение там?

- В Америке сильнее разделение людей, очень жесткая неприкрытая борьба друг с другом за существование, отнесение вопросов духовной жизни на второй, если не на третий план даже среди интеллигенции. Мне всегда не хватало той русской исповедальности, что облегчает душу, способствует появлению доверительной дружественности. Чтобы выжить там, надо быть каменным. Я на это не способен.

- Великая американская мечта - каждый может стать миллионером. Как выглядит русская мечта по Воропанову?

- Для себя я формулирую ее так: главное - не потерять себя и свою душу; для России - не погибнуть как уникальному явлению духовности, возвышенным небанальным устремлений. Наша перспективная экономика никому не интересна. Мир интересует только уникальное. В России уникальны идеи и образы, идущие от православия, от особой русской религиозно-философской идеи пути и служения, от Достоевского, Толстого, Чехова. И еще: я часто про себя повторяю, как программу, честное имя ни за какие деньги не купишь! Мне кажется, что этого образа честности

в разных проявлениях не хватает сейчас в представлении о России и русских, как внутри нас самих, так и за нашими границами.

ДОМА

"Мне кажется, что мы, взявшись за руки, пытаемся подняться и вознестись над хаосом и грубостью жизни"

- Вы, коренной вологжанин, могли бы остаться в Ленинграде...

- Хотел, но не мог по обыкновенным советским причинам: распределение, прописка. С годами понял: лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме.

- Что раздражает теперь уже в родном городе?

- Известная грубоватость нравов в привычке к разболтанной, неорганизованной и малокультурной жизни.

- Как связать это, господин директор галереи, с общей уверенностью, что Вологда - крупный культурный центр?

- Есть определенная проблема. Есть Вологда и есть вологжане - очень узкая прослойка высокоинтеллектуальных людей, которые действительно горят наукой, культурой, искусством и буквально собой закрывают грубости жизни. И есть остальной город, в который иногда просто не хочется выходить из галереи, библиотеки, из дома. Я стараюсь жить в кругу единомышленников и, с другой стороны, всемерно расширять этот круг. В этом есть оптимистический взгляд, побудительная энергия просветительской общественно-созидательной линии, что занимает и волнует меня.

- На ваш взгляд, что-то коренным образом меняется в галерее, городе, стране?

- Пока ничего не меняется нигде. Мы все еще чего-то ждем, надеемся, а вдруг вернется старое, хорошее, пусть и бесполое прошлое. А коренные изменения уже грядут в самое ближайшее время, ведь мы уже дошли до точки и сама жизнь заставляет меняться буквально на сто процентов.

- У нас предпочитают измерять на градусы, может быть, на 180 градусов?

- Может быть. Я осознаю ситуацию так: государство практически полностью откажется от материальной поддержки культуры. Мы выходим в открытое автономное плавание навстречу бурям и штормам, и надо искать систему автономного жизнеобеспечения.

- Легко сказать, страна не подводная лодка.

- Надо менять наш подход, спускаться на землю, трезветь в прямом и переносном смысле, кончать с жизнью на авось и на халяву, думать и начинать делать. И самая главная проблема - не потерять те исключительные ценности той особой русскости, о которой был у нас разговор. Как все это совместить - пока не знает никто, и в этом сложность и трагизм переживаемого момента. У нас много потенциальных возможностей, которые мы не задействуем. Мы можем работать в два раза быстрее и лучше, надо просто честно, конкретно и серьезно взглянуть на себя и ответить на простые вопросы: чего мы хотим?

Кто мы такие? Какими должны быть? Живя в самоуспокоительном тумане, не видим, что до пропасти уже недалеко. Пора готовить мосты для ее перехода.

- У себя в галерее вы этим и занимаетесь, собрали одну из лучших коллекций современного искусства в России, а вот специального помещения все нет и нет.

- Никогда первые лица города и области не были настоящими меценатами, все делалось нами с трудом по сравнению с близлежащими Архангельском, Ярославлем, Ивановом, Нижним Новгородом. Наше дело никогда не было приоритетным. Это подготовило нас к нынешним трудным временам в осознании, что можно и нужно надеяться только на себя.

- Что помогает выживать и работать?

- Люди, как островки надежды и понимания. Мои школьные учителя О.С.Белова, В.П.Дорогина, Ю.А.Баранов, А.В.Соколов, художники А.В.Пантелеев, В.Н.Корбаков, наши музыканты. Источник жизни для меня - театр Гранатова, наши музеи и библиотеки. Мне иногда кажется, что мы вместе, взявшись за руки, пытаемся подняться и вознестись над хаосом и грубостью окружающей жизни. А сама она иногда представляется романом, в котором герои и страдалцы, злодеи и романтики.

- Много читаете? Когда?

- Дома, поздно вечером, после всех дел, в выходные. Знаю, что многие интеллигенты не читают сейчас серьезных книг и на этом как бы заканчивают процесс самостроительства. Я же, если читаю, то существую.

- Любимый роман? Последний прочитанный роман?

- Любимый - "Волшебная гора" Томаса Манна. Последний - "Страшный суд" Виктора Ерофеева.

- Любимый художник и любимое полотно?

- Очень сложно. Демон сидящий Врубеля и "Под вечер" Станислава Жуковского из собрания нашей галереи, в котором есть глубинные черты русской природы.

- Совсем летний вопрос - куда бы хотели поехать?

- Прежде всего в Италию, во Флоренцию, в старые города Германии, в Англию, в Эдинбург.

- Дома часто бываете?

- Я человек домашний, люблю покой, уют, тишину.

- Сейчас спешите домой, на обед?

- Да. Люблю все, что готовит мама: мясо, пироги с капустой и малиной, домашнюю квашеную капусту. Если выйти на другой уровень возможности, то люблю кролика с брюссельской капустой, куру по-флорентийски, кампари с апельсиновым соком и ананасы.

- И притом уверяете, что не гурман?

- Я умеренный работоголик. Раньше был пессимистическим оптимистом, теперь, наоборот, оптимистическим пессимистом. Не очень верю в близкое и хорошее, но стараюсь делать вид для себя и для других.

- Мода на латинскую мудрость сменилась на сухость американских девизов. У вас он, вероятно, есть. Какой?

- Есть. Don't worry, be happy!

- То есть не печальтесь, будьте счастливы.

- Я бы перевел так: старайтесь быть счастливыми!

С Владимиром ВОРОПАНЫМ

беседовала НАТАЛИЯ СЕРОВА.

На фото: В.Воропанов в Чикаго и в мастерской А.В.Пантелеева в Вологде.

